Отрывки изъ автобіографіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго.

Послѣ смерти Александра Матвѣевича Лазаревскаго среди его бумагъ найдено нѣсколько отрывковъ изъ его воспоминаній, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни, и, между прочимъ, записки, въ которыя онъ вносилъ разные выдающіеся случаи, преимущественно кіевской жизни.

Часть его воспоминаній, связанныхъ съ введеніемъ положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губерніи, напечатана въ «Кіевской Старинѣ» еще самимъ покойнымъ подъ заглавіемъ «Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній»,[1]) хотя и въ сокращенномъ видѣ. Напечатать ихъ цѣликомъ, какъ и вообще большую часть изъ замѣтокъ Александра Матвѣевича о своей жизни, въ настоящее время не представляется возможнымъ: слишкомъ близко еще то время, о которомъ онъ говоритъ, живы еще тѣ люди, съ которыми ему приходилось въ разное время сталкиваться на жизненномъ пути.

У Александра Матвѣевича всегда было готово желаніе подробно, систематически описать свою жизнь. Свое желаніе онъ неоднократно высказывалъ близкимъ людямъ, ждалъ только, когда онъ «поуправится съ работами» или на досугѣ, у себя

---

[1]) Кіев. Стар. 1901 г. мартъ и апрѣль.

въ Подлипномъ, разберетъ свои замѣтки, приведетъ въ систему то, что онъ помнитъ изъ прошлаго... Но годы проходили за годами, одна работа рождала другую, досуга и въ деревнѣ не было: въ Подлипномъ приходилось кончать то, что начато въ Кіевѣ. Вотъ почему послѣ смерти Александра Матвѣевича остались только отрывки его воспоминаній о разныхъ періодахъ его жизни. до начала его автобіографіи.

Судя по замѣткамъ въ рукописи, начало это написано въ три дня, съ 3 по 5 іюля 1891 года, когда Александръ Матвѣевичъ особенно сильно увлекся, должно быть, мыслью описать свою жизнь. Работа затѣмъ была брошена и больше уже никогда не возобновлялась.

Благодаря любезности семьи покойнаго, мы печатаемъ теперь эти отрывки изъ автобіографіи. Читатели сами увидятъ, на сколько цѣнны, на сколько интересны эти отрывки, и, конечно, раздѣлятъ съ редакціей огорченіе, что Александру Матвѣевичу не удалось привести въ исполненіе свою мысль описать такъ подробно всю свою жизнь. Онъ успѣлъ коснуться только своего пребыванія въ гимназіи, т. е. небольшой частицы своей 68-лѣтней жизни...

Ред.

Родился я въ деревнѣ Гирявкѣ 8 іюня 1834 г., гдѣ и провелъ младенческій свой возрастъ.

Первое мое воспоминаніе относится къ лѣту 1839 года, когда выходила замужъ старшая сестра моя Марья за Я. М. Армашевскаго. Живо помню и теперь пляску дворовыхъ женщинъ въ нашемъ домѣ, сопровождавшую эту свадьбу. Въ то же лѣто женился Ф. А. Лащинскій на М. Н. Юркевичъ, отъ которыхъ въ 1846 году родилась первая моя жена Катерина. Помню, что на сестриной свадьбѣ братъ Яковъ ходилъ хромой, потому что передъ тѣмъ сломалъ ногу, упавъ съ дерева, куда полѣзъ за сорочьимъ гнѣздомъ. Ногу братъ сломалъ совершенно, но взятая въ лубки, она срослась и не помѣшала брату поступить въ кадетскій корпусъ, а затѣмъ служить въ военной службѣ.

Дома прожилъ я безвыѣздно до семи лѣтъ. Нянькой у насъ въ это время была «баба Явдоха», ласковое обращеніе которой съ нами и интересныя сказки привлекали къ ней наши сердца. Особенно умѣла она привлекать наше вниманіе своими разнообразными сказками, изъ которыхъ я особенно любилъ одну, въ которой кто-то кому-то говоритъ: «Парамонъ! бери лѣнъ!» Отца за это время я мало помню, такъ какъ онъ почти дома не жилъ, будучи на службѣ въ Конотопѣ. И семью, и хозяйство вела почти исключительно мать. Въ безмѣрной материнской любви, она, желая заставить меня ежедневно молиться Богу, помню, давала каждое утро за это по «шагу». Мать выучила меня первой молитвѣ; она же первая начала учить меня и чтенію. Каждый день вооружался я «указкой» изъ нехворощанаго вѣника и училъ склады. Чтеніе поощрялось тѣмъ, что мать брала меня съ собою иногда на ярмарки—конотопскую и роменскую, на которыхъ покупались игрушки въ родѣ дрожекъ, запряженныхъ парою лошадей съ кучеромъ—бариномъ. Въ гости ѣздилъ я мало, потому что, кажется, рѣдко ѣздила по гостямъ сама мать. Наиболѣе близкія отношенія у нашей семьи были съ Кандыбами, Григоріемъ Петровичемъ и его женой Авдотьей Андреевной. Въ Куриловкѣ мать обыкновенно варила свои варенья, при чемъ я почти постоянно сопровождалъ её при этихъ поѣздкахъ. Всѣ дѣти Гр. П-ча Кандыбы имѣли сверстниковъ въ нашей семьѣ и наоборотъ; такъ старшій изъ дѣтей Кандыбы Петръ былъ сверстникомъ старшаго нашего брата Василія и т. д. Моей сверстницей была дочь Александра, бывшая потомъ замужемъ за салтыководѣвицкимъ Селецкимъ, и это былъ едва-ли не единственный пріятель дѣтскихъ моихъ лѣтъ. Другимъ такимъ сверстникомъ и пріятелемъ была дочь Андрея Андреевича Кандыбы (богача и скупца), тоже Александра, по мужу Тарновская. Сверстниковъ—мальчиковъ у меня вовсе не было, исключая одного дворового мальчика, съ которымъ, впрочемъ, я подружился уже позже, лѣтъ въ десять. Младшій братъ Иванъ, будучи моложе меня двумя годами, былъ малъ, когда мнѣ было 6—7 лѣтъ, а старшій Яковъ въ это время уже учился въ конотопскомъ уѣздномъ училищѣ. Поэтому дѣтство

мое проходило довольно скучно, почему сказки бабы Явдохи такъ привлекали мое дѣтское вниманіе.

Въ 1842 г. въ моей жизни произошло чрезвычайное для моихъ лѣтъ и тогдашнихъ временъ событіе: меня отвезли въ Харьковъ къ брату Ѳедору, харьковскому, въ это время, студенту. Отвезли меня, вѣроятно, для ученія, такъ какъ дома учить было меня некому, а въ конотопское приходское училище отдавать меня было еще рано. Въ Харьковѣ я прожилъ года два, но изъ этого пребыванія тамъ я, кажется, не вынесъ ровно ничего: двадцатилѣтній студентъ былъ плохимъ наставникомъ. Помню, что хозяйки тѣхъ квартиръ, гдѣ братъ за эти годы жилъ, очень участливо относились ко мнѣ въ виду моего дѣтства и безнадзорства. Помню разсказы студентовъ объ ихъ кутежахъ, подробности которыхъ жадно ловило дѣтское ухо...

Харьковская жизнь моя окончилась въ 1844 г. Въ томъ же году меня отдали въ конотопское уѣздное училище, куда я былъ принятъ въ первый классъ. «Штатнымъ смотрителемъ» училища въ это время былъ Иванъ Петровичъ Княгницкій, который, считаясь пріятелемъ отца, обращалъ на меня особое свое вниманіе. Ученіе мое въ Конотопѣ обставлено было, по возможности, заботливо. На квартиру меня помѣстили къ Аннѣ Стенановнѣ Яковлевой, которая принимала къ себѣ на квартиру только *аристократовъ*, т. е. дѣтей конотопскихъ панковъ. У нея жили на квартирѣ: Лобода, Коровицкій, Драгомировъ (М. И.), разные Костенецкіе и т. д. У нея же жилъ на квартирѣ одинъ изъ учителей уѣзднаго училища Гасп. Ант. Лѣснобродскій, учитель математики, которому былъ порученъ особый надо мною надзоръ, состоявшій въ томъ, что онъ каждый день спрашивалъ меня заданные на другой день уроки. Пребываніе въ конотопскомъ училищѣ сохранилось въ моей памяти очень отчетливо, и я его опишу подробнѣе, какъ любопытную страницу изъ исторіи нашего начальнаго обученія.

Начну съ хозяйки и хозяина.—Анна Степановна, тучная старуха, лѣтъ подъ 60-ть, была сестрой тогдашняго конотопскаго городничого Аф. Ст. Соболевскаго, погарскаго панка, который

изъ военной службы получилъ конотопское градоправительство и жилъ на немъ безбѣдно съ своей семьей. Была у него и сестра, устарѣвшая дѣвица, которую, однако жъ, соблазнилъ брачный союзъ, предложеный ей выслужившимся изъ солдатъ въ офицеры великорусскимъ крестьяниномъ Лукою Яковлевымъ. Лука Яковлевичъ Яковлевъ былъ своего рода типъ. Отслуживъ Богу и Государю двадцать пять лѣтъ и дослужившись подпоручьяго чина, Яковлевъ вышелъ въ отставку и, встрѣтивъ въ Конотопѣ перезрѣвшую дѣву, сестру городничаго и собственницу хорошей усадьбы съ солидными постройками, предложилъ ей бракъ, который и былъ заключенъ. Получивъ, такимъ образомъ, обезпеченный кусокъ хлѣба, Яковлевъ сталъ попивать водочку и, втянувшись въ это занятіе. велъ такую жизнь во время моего квартированія у Анны Ст-ны: съ утра начиналъ пить по рюмочкѣ и къ обѣду былъ уже полупьянъ; съ этого времени начиналъ онъ отпускать разныя шуточки насчетъ супруги; затѣмъ, когда пьянѣлъ совсѣмъ, начиналъ ту же супругу уже бранить и преимущественно «московскою» бранью, при чемъ присутствіе малолѣтнихъ квартирантовъ его не стѣсняло. Супруга, зная буйный нравъ мужа, терпѣливо сносила такое, чуть не ежедневное его времяпрепровожденіе. Въ трезвомъ состояніи Яковлевъ былъ добродушный солдатъ, очень любовно относившійся къ намъ, за что и мы относились къ нему дружелюбно. Анну Степановну мы, дѣти, очень чтили за ея заботы о нашихъ желудкахъ, которые, какъ помню, никогда не голодали. Заботы Анны Степановны о нашихъ желудкахъ простирались до того, что напр., если за обѣдомъ случалась молочная каша, то намъ, дѣтямъ, предлагалось пить, кто хочетъ, воду *до* каши, съ предупрежденіемъ, что *послѣ* каши воды не дадутъ...

Обращаюсь теперь къ наставникамъ. Главный изъ нихъ былъ штатный смотритель Княгницкій, старый холостякъ, опрятный и аккуратный до педантизма, къ своимъ обязанностямъ онъ относился, повидимому, вполнѣ добросовѣстно: часто посѣщалъ классы, слушалъ донесенія о поведеніи учениковъ и довольно нелѣниво наказывалъ выходившія изъ общаго уровня шалости. А таковыя бывали часто и довольно разнохарактерныя, смотря

по различію возрастовъ; когда я былъ въ первомъ классѣ, мнѣ было 10 лѣтъ, но у меня были товарищи и гораздо старше, такъ лѣтъ по 16—17 и 18. Изъ наказаній Княгницкій практиковалъ и розги; но эти послѣднія употреблялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Вообще Княгницкій представлялъ изъ себя человѣка, который, не устроивъ собственнаго гнѣзда и имѣя бездну свободнаго времени, отдавалъ послѣднее училищу, находя въ этомъ училищѣ единственное развлеченіе въ жизни. Позднѣе уже, послѣ моего выхода изъ училища, Княгницкій женился на вдовѣ одного изъ конотопскихъ чиновниковъ, полуграмотной женщинѣ, которую, говорятъ, заставлялъ читать вслухъ газеты и выходилъ изъ себя, когда чтеніе выходило дикое. Я уже сказалъ, что Княгницкій считался пріятелемъ отца, что, однако жъ, не мѣшало матери присылать этому пріятелю черезъ меня, когда я возвращался съ праздниковъ изъ дома въ училище, кулёчки съ разными сельскохозяйственными продуктами. Кулёчки эти отбиралъ угрюмый сторожъ училища Несторъ, красивая дочь котораго волновала кровь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ товарищей, которымъ по лѣтамъ приличествовало болѣе жениться, а не учиться.

Учителей у насъ было пять. Законоучитель о. Иванъ Леонтовичъ, священникъ изъ с. Поповки, благообразный и привѣтливый человѣкъ, о которомъ память сохранила одни лишь хорошія впечатлѣнія. Сынъ о. Леонтовича Ѳедоръ, мой одноклассникъ, теперь одесскій профессоръ—юристъ [1]).

Другіе учителя были: полякъ Лѣснобродскій училъ математикѣ, Морозовскій—русскому языку, полякъ Бучинскій—исторіи и географіи и Слюсаревскій—рисованію и писанію. Обо всѣхъ этихъ учителяхъ память говоритъ, что относились они къ своему дѣлу болѣе или менѣе внимательно. Межъ ними не было ни одного, который бы какимъ-нибудь своимъ недостаткомъ возбуждалъ дѣтскій юморъ. Строже всѣхъ и, кажется, и дѣльнѣе былъ Лѣснобродскій, который, между прочимъ, какъ и Княг-

---

[1]) Писано въ 1891 году. Въ настоящее время Ѳедоръ Ивановичъ Леонтовичъ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. *Ред.*

ницкій, отличался чрезвычайною опрятностью: въ классъ онъ входилъ вымытый и выбритый, какъ на парадъ. Предметъ свой преподавалъ толково; способные мальчики учились у него хорошо; но зато былъ онъ неумолимо строгъ и при этомъ вспыльчивъ. Лѣснобродскій умѣлъ ловко подмѣтить особенности своихъ учениковъ, давалъ имъ свои клички, которыя становились для Лѣснобродскаго нашими вседневными прозвищами. Помню, что я названъ былъ *Капкою*, потому кажется, что у меня изъ-подъ носа часто капало. Въ хорошемъ настроеніи духа и, когда уроки отвѣчались хорошо, Лѣснобродскій умѣлою шуткою съ нами вызывалъ общее довольство. Но бѣда была, когда какой-нибудь лѣнтяй какимъ-нибудь нелѣпымъ отвѣтомъ сердилъ вспыльчиваго поляка. Прежде всего являлись на сцену *пали*, т. е. битье особо сдѣланною для сего лопаткою по ладонямъ наказуемаго «Давалъ пали» какой-нибудь взрослый уже ученикъ, обладавшій для сего достаточною силою. У насъ въ классѣ такимъ раздавателемъ паль былъ Александръ Ельфимовъ, теперь конотопскій купецъ и земскій гласный. Паль давалось отъ двухъ—трехъ и до нѣсколькихъ десятковъ. Ладони у наказаннаго вспухали, какъ *пампушки*.. Болѣе всего паль приходилось на классы Лѣснобродскаго, предметъ котораго былъ труднѣйшимъ, да и учитель былъ требователенъ. Но очень часто вспыльчивость Лѣснобродскаго не ограничивалась палями, а пускались въ дѣло собственныя руки учителя: дралъ онъ въ такихъ случаяхъ за волосы, билъ объ доску, на которой рѣшались задачи, головою, бросалъ на землю, топталъ ногами... Однимъ словомъ, остроумный полякъ приходилъ въ бѣшенство и обращался въ какого-то звѣря, наводившаго на насъ ужасъ... Помню одинъ такой случай, когда это звѣрство обрушилось на мое дѣтское тѣло. Разъ какъ-то пріѣхала мать въ Конотопъ навѣстить меня. Каждый такой пріѣздъ представлялъ для меня несказанную радость: мать крѣпко любила меня, баловала, а я въ Конотопѣ скучалъ. Возвращаясь изъ училища на квартиру, я каждый разъ присматривался, особенно зимою, къ слѣдамъ колесъ и полозьевъ, которые вели въ ворота Анны Степановны, думая среди этихъ слѣдовъ встрѣтить слѣды гирявскаго

экипажа. Въ пріѣздъ матери ученіе шло, разумѣется, плохо, почему Лѣснобродскій и не любилъ этихъ пріѣздовъ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ матери, я, увлекшись радостью свиданья, не пошелъ къ Лѣснобродскому на квартиру (жилъ онъ въ отдѣльномъ домикѣ, въ саду Анны Степановны) для репетиціи уроковъ. На другой день, въ классѣ, Лѣснобродскій вызвалъ меня къ доскѣ и, придравшись къ какому-то неудачному отвѣту, положительно избилъ меня, пустивъ въ дѣло и свои кулаки. Такія избіенія проходили для Лѣснобродскаго безнаказанно: никто не рѣшался жаловаться, вѣроятно, чувствуя, что у Княгницкаго защиты противъ дѣльнаго и исправнаго учителя найти нельзя было, а родители могли только жаловаться тому же Княгницкому.

Морозовскій былъ, повидимому, добрый человѣкъ; по крайней мѣрѣ, дѣтская память никакихъ горькихъ воспоминаній съ нимъ не связывала. Изъ его ученія помню грамматику Востокова и изученіе на память разныхъ стихотвореній. Стихи мы учили, кажется, только уже во 2-мъ классѣ; въ первомъ учили басни Крылова. Изъ стиховъ, помню, нѣкоторые никакъ не давались дѣтскому пониманію. Напр., никакъ не могъ я уразумѣть смысла Пушкинскаго «Поэта»:

«Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ».

Легче, казалось, давалось пониманіе одъ Державина, но, въ дѣйствительности, и тутъ ни одинъ изъ насъ не могъ бы передать содержанія ихъ. Басни учились легко, и тутъ же подходящіе изъ нихъ стихи пускались въ разговорный оборотъ.

У Бучинскаго, помню, мы исправно зубрили слово въ слово «маленькую Устряловку», очень часто вовсе не понимая выраженій въ родѣ—«удѣльная система падаетъ»... Бучинскій былъ апатичный добрякъ, который, кажется, никогда никого и не наказалъ. Наконецъ, у Слюсаревскаго усердно и безполезно рисовали какіе-то носы, губы и глаза. Доходили нѣкоторые и до головъ, украшенныхъ римскими шлемами.

Для характеристики преподаванія въ училищѣ слѣдуетъ сказать, что для ежедневной повѣрки исправнаго внѣкласснаго при-

готовленія уроковъ, классъ былъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, человѣкъ по пяти въ каждомъ, называемыхъ *ратами*, и надъ каждой ратой былъ поставленъ одинъ ученикъ *авдиторъ*, обязанный передъ началомъ класса спросить уроки у учениковъ своей раты и поставить имъ отмѣтки въ особомъ журналѣ, который затѣмъ представлялся учителю. Учитель спрашивалъ въ свою очередь уроки, повѣрялъ правильность дѣйствій авдиторовъ и, если находилъ, что незнающему ученику были выставлены отмѣтки удовлетворительныя, то наказывалъ и ученика не знающаго урока, и его авдитора. Наказаніе послѣднихъ часто бывало вполнѣ заслуженно, такъ какъ многіе изъ нихъ брали взятки, за которыя и ставили удовлетворительныя отмѣтки. Помню, что у меня въ ратѣ по географіи былъ балованый сынокъ конотопской мѣщанки, право спрашивать уроки котораго выпросилъ у меня мой двоюродный брать Алексѣй Страшный, (поѣхавшій потомъ искать счастья въ Архангельской губерніи, въ уѣздныхъ судахъ и тамъ навсегда застрявшій), и затѣмъ очень умѣло вымогалъ у него булки и разныя лакомства. Помню, при переходѣ изъ перваго во второй классъ трое насъ, Леонтовичъ, Вятковскій и я, получили въ награду «книги» при чемъ намъ даны были какіе-то французскіе діалоги, завалявшіеся на чердакахъ училища. Экзамены оканчивались «актами», на которыхъ, кромѣ раздачи наградъ, раздавали еще и пироги, конечно, уже всѣмъ ученикамъ, въ изобиліи присылавшіеся въ эти торжественные дни изъ Семеновки тамошнимъ помѣщикомъ Н. Г. Гамалѣемъ, который, будучи почетнымъ смотрителемъ конотопскаго уѣзднаго училища, въ этомъ лишь одномъ дѣйствіи и проявлялъ свое попеченіе о его преуспѣяніи.

Воспоминаніе свое о конотопскомъ училищѣ окончу свѣдѣніемъ о персоналѣ учащихся. Учениками сюда поступали преимущественно дѣти бѣдныхъ попковъ, которые въ то время составляли и главный контингентъ конотопскихъ «присутственныхъ мѣстъ», т. е. разныхъ судовъ, опекъ, канцелярій. Изрѣдка попадали въ училище и дѣти богатыхъ козаковъ, напр. дептовскіе Калиты, бахмацкіе Страшные. Въ мое время былъ и одинъ крѣпостной крестьянинъ, но это былъ сынъ какого-то Гамалѣевскаго

приказчика, готовившійся помѣщикомъ послѣ окончанія училища, также на какую-нибудь дворовую дѣятельность.

Въ уѣздномъ училищѣ я пробылъ до февраля 1846 г., когда изъ 2-го класса неожиданно взятъ былъ домой. Оказалось, что такъ какъ я былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты дворянскаго полка, то отецъ съ матерью и рѣшили заранѣе отправить меня туда съ старшимъ братомъ Василіемъ, который въ это время, окончивъ университетъ и скопивъ немного денегъ на «кондиціяхъ», ѣхалъ въ С.-Петербургъ искать тамъ счастья.

Горестное, помню, было мое разставанье съ домомъ. Поѣздка въ С.-Петербургъ, болѣе, чѣмъ за 1000 верстъ, въ тогдашнее время, съ полною увѣренностью, что возвращеніе домой можетъ быть не прежде окончанія корпуса, приводило и меня и мать въ удрученное состояніе. Особенно страдала мать, отпуская въ такую даль на неизвѣстное будущее двѣнадцатилѣтняго своего любимчика. У нея уже былъ одинъ примѣръ передъ глазами: братъ Яковъ, отправленный въ полтавскій кадетскій корпусъ въ 1842 г., оттуда прямо переведенъ былъ въ Спб., гдѣ и находился въ это время въ старшихъ классахъ дворянскаго полка, отсутствуя изъ дома уже четыре года, и не зная, когда судьба дастъ возможность побывать дома. Хорошо помню послѣдніе дни передъ выѣздомъ въ Спб., когда мать, наставляя меня, какъ вести себя, чтобы заслужить у чужихъ людей ласку, между прочимъ, давала мнѣ такой завѣтъ, что, если же мнѣ будетъ очень худо жить между чужими людьми, то, чтобы я тогда по вечерамъ старался смотрѣть на группу звѣздъ, называемую «Большая Медвѣдица» и вѣрить, что въ этотъ же моментъ будетъ и она смотрѣть на тѣ же звѣзды и вмѣстѣ съ тѣмъ выразитъ свою ласку и соболѣзнованіе своему сынку, заброшенному въ далекую чужую сторону.

24 февраля 1846 г. выѣхалъ я изъ благословенной Гирявки на земное странствіе. Братъ Василій ѣхалъ въ Спб., какъ я уже сказалъ, искать счастья и везъ при этомъ съ собою скопленныя учительствомъ у донского богача Себрякова небольшія деньги. Везъ онъ при этомъ съ собою крѣпостного лакея Никифора и собаку Бонгарда, т. е. ѣхалъ въ обстановкѣ, которая говорила о

нѣкоемъ достаткѣ. Достатокъ этотъ отразился и на мнѣ; по крайней мѣрѣ, дѣтскія мои нужды братъ ласково и сердечно удовлетворялъ. Такая обстановка нѣсколько сглаживала впечатлѣніе чужой стороны. Помню, ѣхали мы до Спб. около 2-хъ недѣль, перемѣнивъ теплую зимнюю кибитку на перекладную телѣгу, по случаю заставшей насъ въ дорогѣ весны. За дорогу я привыкъ къ брату, который, будучи старше меня на 17 лѣтъ, сначала казался мнѣ получужимъ человѣкомъ. Впрочемъ, только впослѣдствіи я вполнѣ могъ оцѣнить всю сердечную теплоту этого брата, которому не только я, но и всѣ остальные братья были такъ многимъ обязаны.

Въ Спб. мы пріѣхали въ началѣ марта въ весеннюю слякоть, которая, быть можетъ, и заслонила собою то впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на меня большой городъ, далеко оставлявшій за собою знакомый уже мнѣ Харьковъ. Никакихъ впечатлѣній первое пребываніе въ Спб. въ моей памяти не оставило. Ходилъ по улицамъ, глазѣлъ, разѣвалъ ротъ передъ величиною домовъ, дворцовъ и—только. Особаго влеченія къ осмотру подробностей столичнаго величія не было, конечно, по дѣтской незрѣлости.

Проживъ въ Спб. весну и лѣто, я, однакожъ, мало занимался приготовленіями къ экзамену въ дворянскій полкъ; братъ, развлеченный своими занятіями и новыми знакомствами, лишь слегка понукалъ меня къ этимъ занятіямъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что экзамена въ дворянскій полкъ я не выдержалъ, и остался жить съ братомъ въ Спб., не знаю, съ какою цѣлью; можетъ быть, потому, что возвращеніе въ Малороссію было ужъ очень затруднительно.

Братъ разсчитывалъ первое время добывать средства къ жизни литературнымъ трудомъ; но добывать этимъ путемъ средства оказалось очень нелегко, и братъ сталъ думать о государственной службѣ. Въ это время два брата, Михаилъ и Ѳедоръ, служили въ Оренбургѣ въ коммиссіи, вѣдавшей кочевавшими около Оренбурга киргизами; они стали туда звать и Василія. На этотъ зовъ послѣдній согласился, особенно въ виду того обстоятельства, что въ это же время его *посватали* на довольно зрѣлой дѣвицѣ Не-

плюевой, оренбургской помѣщицѣ, съ которою рѣшено было вѣнчаться въ оренбургской деревнѣ Неплюевыхъ, гдѣ жила мать невѣсты. Лѣтомъ 1847 г. пріѣхалъ въ Спб. одинъ изъ братьевъ невѣсты и повезъ съ собою домой невѣсту съ женихомъ; повезли и меня, потому что негдѣ было меня оставить. Ближайшее знакомство жениха съ невѣстой во время дороги повело къ тому, что, пріѣхавъ въ деревню Неплюевыхъ, братъ рѣшивъ, должно быть, что отъ этого брака добра не видать, уѣхалъ въ Оренбургъ, обѣщая оттуда скоро вернуться, но не вернулся, и бракъ его съ Неплюевой разстроился.

Оренбургъ произвелъ на меня впечатлѣніе гораздо сильнѣе Спбурга. Киргизы, верблюды, зауральскія степи,—всё это вмѣстѣ отпечатлѣлось въ моей памяти такъ, что и теперь могу себѣ представить тогдашній Оренбургъ. Въ Оренбургѣ на службѣ находилось тогда нѣсколько малороссовъ, которые, сходясь вмѣстѣ, составляли довольно дружескій кружокъ, любившій наполнять время воспоминаніями о родинѣ.

Братъ Василій недолго побылъ въ Оренбургѣ. Зимою 1847 г. начальникъ оренбургской коммиссіи, вѣдавшей киргизовъ, генералъ Ладыженскій ѣхалъ въ Спб. по службѣ и забралъ съ собою и брата Василія. Въ Спб. братъ встрѣтился съ Далемъ, служившимъ въ то время у министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, и былъ приглашенъ на службу къ послѣднему. По этому случаю братъ въ Оренбургъ не возвратился, а я, живя у брата Ѳедора, сталъ ждать случая переправиться тоже въ Спб., гдѣ долженъ былъ продолжать жительство при братѣ Василіи. Болѣе полугода пришлось мнѣ прожить еще въ Оренбургѣ. Въ это время я началъ уже почитывать книги, преимущественно старые журналы. Въ это же время попалась мнѣ въ руки исторія Малороссіи, кажется, Бантыша-Каменскаго, прочитывая которую, я сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ, какъ въ Спб., такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія Въ это же время сталъ ко мнѣ ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было въ это

время не мало въ Оренбургѣ. Помню, что мой учитель хорошо зналъ нѣмецкій языкъ, которому хотѣлъ и меня выучить, почему, обучая меня ариѳметикѣ и прочимъ наукамъ, говорилъ со мною почти исключительно по-нѣмецки. Помню, что со многими вопросами по исторіи Малороссіи я обращался къ моему учителю поляку, но онъ какъ-то мало удовлетворялъ мое любопытство, представляя изъ себя на видъ полунѣмца. Между тѣмъ Малороссія возбуждала мое любопытство и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившемъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до его перевода въ Орскую крѣпость. Весною 1848 г. меня въ первый разъ повезли за Уралъ въ степь, гдѣ я и прожилъ нѣсколько дней въ киргизской кибиткѣ, питаясь кумысомъ и какими-то киргизскими яствами. Больше всего понравилась мнѣ ѣзда въ степи верхомъ. Безграничность степи какъ-то упоительно дѣйствовала на воображеніе.

Выбрался я изъ Оренбурга только лѣтомъ 1848 г. въ очень оригинальной обстановкѣ. Изъ Оренбурга ѣхалъ въ Самару какой-то обозъ въ нѣсколько десятковъ подводъ: съ этимъ обозомъ отправилась и семья какого-то майора, перебиравшаяся дешевѣйшимъ способомъ въ Спб. Эта семья взялась доставить въ Спб. и меня. Путешествіе предстояло безконечное... Къ счастію моему, добравшись до Самары, мы встрѣтили тамъ порядочную холеру, которая послужила предлогомъ для прекращенія моего путешествія съ семьей майора, и я остался у университетскаго товарища брата Василія, Арс. Ѳед. Бѣлокрысенка, который служилъ тогда въ самарской удѣльной конторѣ. Бѣлокрысенко только что женился передъ этимъ на дочери служившаго въ Самарѣ финляндца-офицера Луизѣ Адольфовнѣ. Вотъ эта-то послѣдняя и была моимъ добрымъ геніемъ, изъявшимъ меня изъ семьи майора и оставившимъ у себя для ожиданія лучшей компаніи при переѣздѣ въ Спб. Луиза Адольфовна, не смотря на свою молодость (едва-ли ей было въ это время 20 лѣтъ), отнеслась ко мнѣ съ нѣжностью матери, и три-четыре мѣсяца, проведенныхъ мною въ Самарѣ, были однимъ изъ лучшихъ моментовъ моей отроческой жизни.

Лишенный материнской ласки, я ее нашелъ у едва вышедшей изъ отрочества финляндки, которая, будучи сама заброшена судьбой межъ чужихъ людей, можетъ быть, сердцемъ поняла и мое подобное положеніе. Живя въ Самарѣ и ничего не дѣлая, я пристрастился къ уженью рыбы на Волгѣ, гдѣ иногда просиживалъ ночи на плотахъ съ *донной* удочкой [1]). Два-три язя вознаграждали мое рыбацкое терпѣніе и приводили въ неописанный восторгъ. Луиза Адольфовна и выговаривала мнѣ за эти отлучки и въ то же время не хотѣла меня лишать удовольствія, которое могло дѣйствовать только благодѣтельно на воображеніе четырнадцатилѣтняго возраста. Волга съ ея особой, своеобразной жизнью, не могла не развивать отроческаго воображенія. Въ самарской же удѣльной конторѣ служилъ старшій братъ Ар. Ѳедоровича *Бѣлокрысенка* Матвѣй *Бѣлокрысовъ* (такъ по документамъ писались родные братья); служилъ онъ землемѣромъ, поэтому часто долженъ былъ по службѣ ѣздить въ предѣлахъ своей удѣльной конторы; очень часто онъ бралъ меня съ собою при этихъ поѣздкахъ. Разъ помню, при переѣздѣ черезъ Волгу, поднялась буря и наша лодка-паромъ заливалась водой... Я видѣлъ, какъ Бѣлокрысовъ сталъ раздѣваться, ожидая, что вотъ-вотъ лодку опрокинетъ... Въ этотъ моментъ я сидѣлъ оцѣпенѣвшій; но Богъ насъ спасъ.

Прожилъ я въ Самарѣ до осени, когда случилась оказія для дальнѣйшаго путешествія въ Спб. Оказія была снова очень оригинальная. Офицеръ оренбургскаго казачьяго войска Соколовъ везъ въ Спб. человѣкъ пятнадцать казаковъ-артиллеристовъ, которые ѣхали туда на обывательскихъ подводахъ. Съ Соколовымъ отправили и меня. Путешествіе это было превеселое. Соколову было лѣтъ 20, и, помню, что онъ всѣ свои впечатлѣнія, свое горе и свои радости часто повѣрялъ мнѣ, какъ товарищу. Съ подчиненными же своими обращался очень дружелюбно, и тѣ превозносили своего командира: напившись нерѣдко до пьяна, казаки горланили, сидя на обывательскихъ подводахъ:

---

[1]) Любовь къ уженью рыбы сохранилось у Ал. М-ча до старости. *Ред.*

Командиръ нашъ Соколовъ
Онъ служитъ съ нами готовъ.

Купивъ у одного казака фуражку, я тоже преобразился въ казака, причемъ просилъ, чтобы и мнѣ, какъ другимъ, отводилась на стоянкахъ квартира въ крестьянскихъ избахъ. Соколовъ этому желанію не противорѣчилъ, и я былъ предоволенъ, когда крестьянскія бабы выражали ко мнѣ особое сочувствіе, что вотъ молъ какого молодого казаченка везутъ уже на службу.

Такъ мы доѣхали до Н. Ладоги, гдѣ стояла баттарея, въ которую назначена была партія Соколова. Отъ Ладоги мнѣ пришлось ѣхать уже одному на почтовыхъ по подорожней «недоросля изъ дворянъ». Я забылъ сказать, что изъ Оренбурга я везъ съ собою оставленную тамъ братомъ Василіемъ прекрасную датскую собаку Беппо: собака эта сопровождала меня всю дорогу до Спб., и я особенно былъ ей благодаренъ за путь отъ Ладоги: пришлось ѣхать ночью или поздно вечеромъ, было страшно, и только Беппо своимъ присутствіемъ умѣрялъ этотъ страхъ. Наконецъ, осенью достигъ я Спб. Здѣсь опять сталъ я болтаться безъ цѣли, такъ какъ, кажется, и самъ братъ не зналъ, что предпринять со мною, боясь, что помѣщеніе въ учебное заведеніе будетъ сопровождаться непосильною для отца платою. Но въ началѣ 1849 г. братъ помѣстилъ меня у одного изъ гувернеровъ 2-ой гимназіи. (Б. Мѣщанская) швейцарца Пренса, съ цѣлью практическаго изученія французскаго языка. Тутъ же меня учили и другимъ предметамъ на французскомъ языкѣ. У Пренса я проболтался около года и, правда, научился болтать по-французски, но всѣ остальные предметы были заброшены. Между тѣмъ мнѣ шелъ 16-й годъ, и пора было рѣшить, что же дальше со мной дѣлать?— Рѣшено было, наконецъ, помѣстить меня въ гимназію, и, такъ какъ, по своимъ лѣтамъ, я долженъ былъ поступить не ниже 3-го класса, то началось усиленное приготовленіе къ предстоящему экзамену, особенно, изъ ариѳметики и алгебры, которыя были мною или забыты, или вовсе не учены. Въ февралѣ 1850 г. я былъ, наконецъ, принятъ во 2-ую гимназію въ 3-ій классъ, причемъ меня помѣстили въ пансіонъ, гдѣ плата въ то время

была 200 р. съ чѣмъ-то. Я усиленно принялся учиться, чувствуя самъ, что долго загулялся. Всѣ предметы мнѣ легко давались, за исключеніемъ математики, которую къ тому въ нашемъ классѣ преподавалъ пользовавшійся громкою въ Спб. извѣстностью, какъ учитель, Ф. Ф. Эвальдъ. На экзаменахъ кривая вывезла, и меня перевели въ слѣдующій классъ. Затѣмъ я пробылъ четыре года въ гимназіи, въ пансіонѣ, и остановлюсь на этомъ времени нѣсколько подробно, потому что, несомнѣнно въ это время окончательно опредѣлились мои духовные вкусы и совершилось то первоначальное развитіе, которое служило главнымъ основаніемъ для послѣдующаго.

2-ая гимназія считалась одною изъ лучшихъ въ Спб. по составу наставниковъ и, кажется, справедливо.

Припомню по возможности весь персоналъ этихъ наставниковъ.

Директоромъ у насъ былъ А. Ф. Постельсъ, совершившій, въ качествѣ естествоиспытателя, кругосвѣтное путешествіе, кажется, съ Литке. Съ нѣмецкою пунктуальностью исполнялъ онъ свои обязанности, кажется, ни на часъ, не оставляя безъ своего надзора и учащихъ и учащихся. Учителя его побаивались, а гувернеры и просто трепетали. Поэтому, какъ внѣшній, такъ и внутренній порядокъ въ гимназіи былъ образцовый. Особенно слѣдилъ Постельсъ за жизнью пансіонеровъ, не оставляя ихъ безъ надзора ни днемъ, ни ночью. Слѣдилъ онъ также и за пищею, почти постоянно присутствуя при нашихъ обѣдахъ. Нельзя сказать, чтобы мы, гимназисты, особенно боялись Постельса, но чувствовалось, что этотъ человѣкъ, посвятивъ всего себя исполненію долга, не имѣлъ въ своей природѣ той сердечности, безъ которой наставникъ юношества никогда не будетъ пользоваться привязанностью послѣдняго: не завоевавъ сердецъ, наставникъ никогда не достигнетъ благихъ результатовъ. Мы уважали Постельса, но никогда не умѣрили-бы нашихъ шалостей изъ-за одного того, что Постельсъ этимъ будетъ недоволенъ; всегда готовы были мы и обмануть его. Никакой духовной связи между имъ и нами не было. Тѣмъ не менѣе Постельсъ считался въ

Спб. образцовымъ педагогомъ и впослѣдствіи былъ воспитателемъ дѣтей у принца Ольденбургскаго.

Совершенную противоположность съ Постельсомъ представлялъ инспекторъ Хр. Ив. Пернеръ. Хотя и тоже нѣмецъ, но Пернеръ былъ прежде всего безтолковъ: никогда нельзя было понять, чего онъ хочетъ, когда приходилось ему покрикать на насъ. При этой безтолковости Пернеръ былъ до крайности добръ, и всѣ мы его любили. Еслибы Пернеръ умѣлъ и захотѣлъ, онъ могъ почти всецѣло распоряжаться нашимъ поведеніемъ: до такой степени мы его любили. Любили же его прежде всего, конечно, за его сердечность, а потомъ какъ противоположеніе Постельсу. Хотя Пернеръ старался подражать Постельсу и непрочь былъ иногда покрикать на насъ, но этотъ крикъ какъ-то сразу приводилъ насъ въ доброе расположеніе, потому что мы наперед знали, что крикъ долженъ кончится шуткой, улыбкой и затѣмъ спокойнымъ удаленіемъ Хр. Ив. Особый видъ представлялъ собою Пернеръ въ тѣ моменты, когда долженъ былъ ассистовать Постельсу при какихъ-либо особенно грозныхъ мѣропріятіяхъ Постельса. Помню, разъ произошло въ гимназіи чрезвычайное событіе: Постельсъ при общемъ собраніи всѣхъ гимназистовъ наказалъ двухъ—трехъ изъ насъ розгами, которыя вообще у него не практиковались. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ петербургскихъ гимназіяхъ, а можетъ и въ другихъ, введено было обученіе шагистикѣ. Послѣдней насъ училъ какой-то преображенскій унтеръ, довольно ревностно относившійся къ своей задачѣ. Замѣчая, что мы нерадиво относимся къ его преподаванію и шагаемъ съ улыбками, унтеръ пожаловался Постельсу. Послѣдній нашелъ нужнымъ показать намъ, что шагистика не шутка и приказалъ отвести старшіе классы въ «сборню», гдѣ уже приготовлены были розги и около нихъ стоялъ памятный намъ красноносый унтеръ-офицеръ Луниковъ, вѣдавшій гимназическихъ служителей. Сказавъ предварительно краткую рѣчь на тему о необходимости послушанія, Постельсъ указалъ какую-то жертву, которая мигомъ подверглась самому краткому, впрочемъ, сѣченію. Затѣмъ указалъ на старшаго Слонецкаго-Михайловскаго,

но этотъ отвѣчалъ, что онъ не ляжетъ, чувствуя себя больнымъ. Произошло смятеніе. Пернеръ пришелъ въ ужасъ отъ такой смѣлости. Постельсъ смѣшался, но тутъ же вышелъ изъ затрудненія: въ первомъ ряду стоялъ 7-ой классъ и въ числѣ ихъ сынъ близкаго пріятеля Постельса Темьянскій. Послѣдній стоялъ какъ-то свободно, выставивъ, кажется, ногу. «А вы, Т-скій, какъ стоите? не знаете, какъ слѣдуетъ стоять при начальствѣ? Я покажу вамъ, что я помню дружескія отношенія къ вашему отцу—ложитесь!» Двумя—тремя розгами Постельсъ сорвалъ свое сердце на сынѣ пріятеля. Экзекуція кончилась длиннымъ увѣщаніемъ, произнесеннымъ грозно и громко, которое окончилось словами:» Луниковъ! *положи розги въ соль*!» Повернувшись затѣмъ, Постельсъ ушелъ, сказавъ Пернеру отпустить насъ изъ сборной. Нужно было видѣть бѣднягу Пернера, когда, по уходѣ Постельса, онъ обратился ко всѣмъ намъ съ словами: «и какъ можно доводить себя до такой мѣры! И какъ вамъ, господа, не жаль себя! За что пострадалъ бѣдный Темьянскій?» (юноша вообще скромный и серьезный). А затѣмъ погрозивъ пальцемъ Михайловскому, видимо, одобряя въ душѣ его смѣлость, приказалъ итти пансіонерамъ въ камеры, а приходящимъ домой: этотъ случай наказанія розгами былъ при мнѣ, сколько знаю, единственный. Можетъ быть, когда какого-нибудь «маленькаго» и посѣкли, но это уже дѣлалось келейно; до общаго свѣдѣнія такіе случаи не доводились.

Обращусь теперь къ учителямъ, которыхъ я знаю съ перехода въ 4-ый классъ.

Начну съ законоучителя отца Матѳія Муретова, который училъ въ старшихъ классахъ. Муретовъ былъ магистръ кіевской академіи и, должно быть, очень ученый попъ, потому что былъ священникомъ въ тогдашней Иркіевской церкви находившейся въ адмиралтействѣ. Ничего особаго Муретовъ изъ себя на видъ не изображалъ, кромѣ развѣ того, что былъ большой трусъ. Учились бы мы у него плохо, при его нетребовательности; но мы боялись ревизора преподаванія Закона Божія въ петербургскихъ гимназіяхъ—протоіерея казанскаго собора о. Андрея Райковскаго. Послѣдній заглядывалъ къ намъ очень нерѣдко, каждый разъ

приводя въ трепетъ Муретова. Вспомнимъ, что дѣло идетъ о времени, когда министромъ былъ назначенъ Ширинскій. Райковскій очень часто задавалъ вопросы невозможные; мнѣ, напр., разъ задалъ въ 6-мъ классѣ, разсказать содержаніе одного изъ апостольскихъ посланій и, на мой отвѣтъ: «не знаю», поставилъ нуль; подобные же общіе вопросы были предложены и другимъ, которые получили такіе же нули. Впрочемъ, строгость Райковскаго была такова, что самъ Постельсъ не очень смущался результатомъ его посѣщеній, видя, какъ говорили, что Райковскій больше придирается къ Муретову. Трусость Муретова, какъ разсказывали, имѣла свою исторію. Дѣло въ томъ, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе, начиная съ Новаго года и до Святой, посѣщать почти всѣ среднія учебныя заведенія, какъ военныя, такъ и гражданскія. Всегда посѣщались при этомъ и гимназіи. Обыкновенно эти посѣщенія происходили при такой обстановкѣ: какъ только проходилъ слухъ, что царь посѣтилъ то или другое заведеніе, сейчасъ же начиналось его ожиданіе и въ остальныхъ. Въ нашей гимназіи это ожиданіе выражалось въ томъ, что съ 12-ти часовъ мы, пансіонеры, переодѣвались въ новое платье и сидѣли въ классахъ уже на чеку, поминутно ожидая трехъ звонковъ изъ швейцарской. Муретовъ спеціально дѣлалъ распоряженіе, чтобы при входѣ царя въ классъ послѣ здорованья и приказанія садиться, лучшій ученикъ не садился, а готовился бы отвѣчать урокъ, какъ будто передъ тѣмъ вызванный Муретовымъ. Такія приготовленія были сдѣланы и въ 1850, кажется, году, когда императоръ Николай въ послѣдній разъ посѣтилъ нашу гимназію. Какъ обыкновенно, пріѣхавъ въ гимназію, царь прежде другихъ классовъ входилъ въ 4-ый, бывшій первымъ по расположенію комнатъ. Въ пріѣздъ царя въ 1850 г., въ 4-мъ классѣ шелъ урокъ Закона; услыхавъ царскій звонокъ, Муретовъ, спрашивавшій въ это время посредственнаго ученика (кажется Лаубе), по обыкновенію, сказалъ, чтобы при входѣ царя отвѣчалъ кто-то другой, конечно, одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Пришелъ царь, сопровождаемый, какъ обыкновенно, директоромъ и инспекторомъ, поздоровался, приказалъ садиться и затѣмъ, об-

ратясь къ Муретову, сказалъ—«продолжайте!». Но послѣ приказанія садиться. Лаубе продолжалъ стоять и Муретовъ не нашелся вызвать другого и обратился къ нему съ вопросомъ: «какъ читается 8-ая заповѣдь?» Лаубе молчалъ и молчалъ—минуты двѣ. Царь началъ терять терпѣніе... Наконецъ, Лаубе вспомнилъ: не прелюби сотвори!—Царь крикнулъ: «дуракъ!» а затѣмъ повернулся и говорятъ, уѣхалъ изъ гимназіи, не заходя уже въ другіе классы... Муретовъ, разумѣется, остался ни живъ, ни мертвъ... Этотъ случай произвелъ на него, какъ разсказывали, такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи всегда имѣлъ видъ чѣмъ-то угнетеннаго, всегда чего-то боящагося человѣка. Помнилъ, должно быть, этотъ случай и царь: до своей смерти онъ затѣмъ не заглядывалъ во 2-ую гимназію, хотя каждый годъ и послѣ этого мы ожидали его въ урочное время, каждый день надѣвая новыя куртки и каждый день производя директорскую репетицію отвѣта на царское привѣтствіе—«здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Ухудшилъ угнетенный духъ Мур. и попечитель Мусинъ-Пушкинъ, о которомъ скажу послѣ, особенно любившій посѣщать уроки Закона и русской исторіи, при чемъ очень часто задавалъ самъ вопросы, на которые получалъ отвѣты, далеко не всегда удовлетворительные. Разъ помню въ 6-мъ классѣ, кажется, ни одинъ ученикъ не съумѣлъ полностью повторить молитвы передъ причастіемъ. Разумѣется, Муретовъ трепеталъ.

Затѣмъ будутъ слѣдовать учителя математики. Поступивъ въ 3-й классъ, я засталъ, какъ уже говорилъ, учителемъ ариѳметики Ф. Ф. Эвальда, который пользовался въ Петербургскомъ ученомъ мірѣ большою славою, вполнѣ заслуженною, какъ одинъ изъ лучшихъ преподвателей математики въ многочисленныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, въ 1850 г. онъ оставилъ нашу гимназію, отдавъ всю свою педагогическую дѣятельность военнымъ учебнымъ заведеніямъ. Вѣроятно, Ростовцевъ [1]) лучше умѣлъ цѣнить даровитыхъ учителей. Послѣ Ф. Ф.

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ былъ тогда главнымъ начальникомъ военныхъ учебныхъ заведеній.

Эвальда остался въ гимназіи пользовавшійся не меньшею славою хорошаго учителя математики—Мих. Кир. Иващенко, у котораго я учился въ 4-мъ классѣ. У Иващенка не было того тонкаго юмора, которымъ умѣлъ Эвальдъ разнообразить свои уроки, но за то была какая-то несокрушимая логика въ его объясненіяхъ урока, заставлявшая слѣдить за этимъ объясненіемъ не только хорошихъ, но и среднихъ учениковъ. Помню очень хорошо, какъ я, плохой математикъ, вообще, ловилъ плавное, ровное объясненіе теоріи уравненій, такъ какъ у Иващенка была метода тутъ же заставлять продолжать свое объясненіе, словами: «а затѣмъ...». Всякому хотѣлось уразумѣть слѣдовавшее *затѣмъ*... И Иващенко пробылъ въ гимназіи при мнѣ недолго; въ началѣ 1851 г. его перевели директоромъ Могилевской гимназіи, конечно, по предстательству Мусина-Пушкина, который, не смотря на свои грубыя отношенія къ учащимъ и учащимся, цѣнилъ хорошихъ учителей. Иващенка замѣнилъ ничтожный Зоннъ, который первое время, ставя отмѣтки, руководствовался отмѣтками Иващенка: кому Иващенкомъ была поставлена хорошая отмѣтка, тому ставилъ такую-же и Зоннъ, хотя-бы отвѣтъ совсѣмъ былъ плохъ. Впослѣдствіи Зоннъ сталъ преподавать физику, а математика была отдана переведенному изъ Астрахани, Рихтеру. Послѣдній былъ, кажется, способнымъ учителемъ, но его, сопровождаемая слюнами дикція, затемняла его рѣчь и портила впечатлѣніе. Ученики, впрочемъ, относились къ Рихтеру пріязненно, такъ какъ чувствовали въ немъ честнаго человѣка.

Русскій языкъ въ старшихъ классахъ преподавалъ очень извѣстный тогда въ Спб. А. П. Алимпіевъ, старецъ лѣтъ за 60, обучившій на своемъ вѣку, по крайней мѣрѣ, два поколѣнія. У Алимпіева мы учили разныя «теоріи» по книжкамъ Зеленецкаго, стихи, отрывки на старославянскомъ языкѣ по хрестоматіи, кажется, Пенинскаго и, наконецъ, писали сочиненія. Все это у Алимпіева дѣлалось какъ-то машинально, безъ всякаго участія со стороны учителя къ тому, что говорилъ или писалъ ученикъ. Алимпіевъ былъ сильно глуховатъ, что способствовало тому, что ему, вмѣсто урока, часто пороли всякую гиль. Глухота развила у Алимпіева

подозрительность и онъ, бывало, чуть увидитъ улыбку на лицѣ ученика, сейчасъ же обращается къ нему: ну чего *лыбишь?* Перейдя въ 7-ой классъ, мы получили, вмѣсто вышедшаго за старостью въ отставку Алимпіева, только что окончившаго педагогическій институтъ студента Кургановича. Этотъ молодой учитель принадлежалъ къ числу тѣхъ, у которыхъ отсутствіе природнаго дара замѣняется трудолюбіемъ и прилежаніемъ. Благодаря послѣднимъ двумъ качествамъ, Кургановичъ окончилъ институтъ въ числѣ первыхъ и сразу получилъ мѣсто въ петербургской гимназіи, что было нелегко. Нашъ классъ учился у Кургановича всего годъ; за это короткое время никакого впечатлѣнія на насъ онъ не произвелъ, да, должно-быть, и впослѣдствіи онъ ничѣмъ не выразился: никогда не приходилось и послѣ о немъ ничего читать. Изъ печатныхъ его работъ помню подаренную нѣкоторымъ изъ насъ книжку—«Мысли Платона о воспитаніи».

Исторію преподавалъ младшій братъ Ф. Ф. Эвальда, Влад. Ф. Послѣ ухода его брата и Иващенка, это былъ, несомнѣнно, лучшій учитель 2-й гимназіи. Хорошо одаренный отъ природы, Вл. Ф. Эвальдъ, какъ стало намъ видно послѣ, постоянно читалъ, при чемъ читалъ не одинъ книги по своей спеціальности, но, вообще, что называется, слѣдилъ за литературой. Эвальдъ никогда не задавалъ намъ уроковъ по книгѣ, а читалъ настоящія лекціи, придерживаясь учебника лишь въ порядкѣ изложенія событій. Въ этихъ лекціяхъ онъ подчеркивалъ существенныя мѣста, дополнялъ учебникъ характернымъ событіемъ или освѣщалъ эти событія другимъ, чѣмъ въ учебникѣ, свѣтомъ; и хотя мы этихъ лекцій не записывали, но многое запоминали и многое на репетиціяхъ отвѣчали изъ того, что было разсказано учителемъ и чего не было въ учебникахъ. А учебники эти были прежалкіе: изъ всеобщей исторіи—Смарагдовъ, а изъ русской—двухтомный Устряловъ... Особенно былъ ужасенъ тонъ изложенія и освѣщенія фактовъ у Смарагдова. Помню и теперь, какъ внимательно слушали мы лекціи Эвальда, особенно о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ напр. крестовые походы, французская революція... Разсказывая событія русской исторіи, Эвальдъ, напр., познакомилъ насъ съ сочиненіями Соловьева,

т. е. съ обѣими его диссертаціями. Мусинъ-Пушкинъ, какъ я уже сказалъ, любилъ присутствовать на урокахъ исторіи, и эти посѣщенія уроковъ Эвальда всегда сходили благополучно, потому что Эвальдъ какъ-то умѣло спрашивалъ и умѣло направлялъ на истинный путь спутавшагося ученика. Мусинъ уходилъ съ урока видимо довольный, но все-таки постукивалъ своей палочкой... Толково преподавалъ свой предметъ Эвальдъ, кромѣ того, любилъ вести съ учениками бесѣды и о посторонних предметахъ; умѣлъ онъ подмѣтить личныя слабости нѣкоторыхъ изъ насъ и съ тонкимъ юморомъ подвергалъ ихъ осужденію. Помню, былъ у насъ товарищъ Филиппеусъ, который очень гордился своимъ шведскимъ или финляндскимъ дворянствомъ.—Эвальдъ не замедлилъ замѣтить этому Филиппеусу, что онъ, Эвальдъ, не сомнѣвается, что у него, Филиппеуса, задница черная, что составляетъ необходимую принадлежность дворянина. Подобными замѣчаніями Эвальдъ благотворно вліялъ на наше общее развитіе, которое тогда, вообще, старались обходить. Эвальду-же мы обязаны были и первымъ знакомствомъ съ Гоголемъ, котораго онъ очень любилъ, и о которомъ готовъ былъ всегда говорить. Гоголя Эвальдъ настолько изучилъ и выучилъ, что указывая намъ на прелести «Тараса Бульбы», онъ пояснялъ различіе между первою и второю редакціями этой повѣсти. Эвальдъ насъ познакомилъ съ Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ, «малою дытыною» Шпонькою и другими личностями, говоря о которыхъ приводилъ подлинныя рѣчи тѣхъ или другихъ героевъ. Вообще, Вл. Эвальдъ имѣлъ огромное вліяніе на наше развитіе и, конечно, не одинъ изъ насъ добромъ поминалъ этого, мало еще оцѣненнаго у насъ, педагога. Кажется, что Вл. Ф. Эвальдъ и А. Ст. Вороновъ, замѣстившій Постельса (уже послѣ меня) на директорствѣ 2-й гимназіи, были замѣчательнѣйшими нашими педагогами въ Александровскую эпоху. Какъ жаль только, что время полнаго развитія ихъ духовныхъ силъ совпало съ Толстовскимъ классицизмомъ, знаніе котораго и Вороновъ и Эвальдъ, въ той формѣ, какая для него была измышлена Катковымъ и Леонтьевымъ, настойчиво отрицали. Враждебность свою къ Толстовскому классицизму Эвальдъ выразилъ

тѣмъ, что, будучи ученикомъ Греффе [1]) онъ тѣмъ не менѣе вторую половину своей жизни посвятилъ реальной школѣ. А между тѣмъ надо было послушать, когда Эвальдъ разсказывалъ троянскую войну, пересыпая разсказъ отрывками изъ Иліады, эпическую прелесть которой онъ, конечно, лучше понималъ, чѣмъ теперешніе «классики», которые до тонкостей знаютъ грамматику и не идутъ дальше буквальнаго содержанія читаемаго автора..

Латинскій языкъ преподавалъ у насъ нѣмецъ Радловъ, отлично знавшій свое дѣло, но «не строгій», почему большинство учениковъ училось у него плохо. Радловъ походилъ болѣе на профессора, чѣмъ на учителя: онъ объяснялъ читаемаго автора съ увлеченіемъ и думалъ, что съ такимъ же интересомъ слушаютъ его и ученики, а послѣдніе въ то время читали какую-нибудь книжку...

Преподаваніе греческаго языка при мнѣ было уничтожено.

Окончивъ съ персоналомъ учителей, я, какъ бывшій пансіонеръ (т. е. интернъ) долженъ еще сказать о нашихъ гувернерахъ, подъ надзоромъ которыхъ мы находились внѣ классовъ. Ихъ было восемь: четыре француза и четыре нѣмца; одинъ день было французское дежурство, другой нѣмецкое; два дежурили въ камерѣ старшихъ классовъ, а два въ камерѣ младшихъ. Отъ этихъ гувернеровъ мы должны были учиться языкамъ практически; но, разумѣется, изъ этого ничего не могло выйти по одному уже количеству учениковъ: въ каждой камерѣ было не менѣе 60-ти человѣкъ; потомъ эти гувернеры любили почему-то говорить болѣе по-русски, особенно браниться съ нами. Большинство гувернеровъ были люди сомнительнаго происхожденія и изображали изъ себя въ присутствіи Постельса положительныхъ лакеевъ. Леммъ, Крюгеръ и Альбрехтъ особенно отличались въ лакействѣ. Изъ желанія угодить директору эти наставники другъ передъ дру-

---

[1]) Федоръ Богдановичъ Греффе (1780—1851 г.) былъ академикомъ и профессоромъ греческой словесности въ спетербургскомъ университетѣ.

гомъ щеголяли въ шпіонствѣ, для чего особенно усердно слѣдили за гимназистами, которые, по строптивости характера, всегда находились въ подозрѣніи. Полною ничтожностью отличались два француза Жоберъ и Госсе; первый былъ, говорили, барабанщикъ наполеоновской арміи. Оба они были цѣлью постоянныхъ насмѣшекъ, любившихъ упражняться въ остроуміи, гимназистовъ.

(На этомъ обрывается автобіографія А. М. Лазаревскаго).